

УДК 111.6
ББК 87

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МЫШЛЕНИЕ В ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ

К.П. Иванов

Новый уровень деятельностного подхода в философии сегодня характеризуется развитием социокультурных практик, связанных с появлением сетевых форм организации деятельности. Философско-методологический анализ этой деятельности указывает на их неопределенность и непредсказуемость. В статье объясняется механизм взаимодействия деятельности и мышления в процессе преобразований социального бытия. Интерпретация этих компонентов, их описание и объяснение становится актуальной философской задачей.

Ключевые слова: деятельность, мышление, парадигма деятельности, сознание, социокультурная практика, мыследеятельность.

Понимание того, как взаимодействуют деятельность и мышление в контексте социокультурной практики актуально не только с теоретической, но и с практической точек зрения. С этой проблематикой связано появление и широкое распространение различного рода иллюзорно-компенсаторных форм деятельности.

Сознание многомерно по своей сути. Занимая некое промежуточное положение между предметной деятельностью и мышлением, оно не поддается линейной экспликации [1]. При наличии огромного пространства символов и языков сознание формирует образно-концептуальную модель мира, в которой неявные, нерелексивные элементы сознания образуют глубинный, «бытийственный» слой человеческой субъективности («онтологический базис»). При этом необходимо учитывать относительную автономность и закрытость субъективного мира, который если и открывается, то избирательно и дозированно. Сегодня ситуация кардинально изменилась, а возможности вторжения в субъективный мир человека многократно возросли.

Это относится к той деятельности человека, которая непосредственно связана с построением искусственного разума и новых форм жизни, альтернативных биологическим формам. Вероятность того, что предпринимаемые в этом направлении действия могут отклониться от направления, которое было им первоначально задано, значительно возрастает.

Человечество в очередной раз оказывается в состоянии дуализма бытия, пытаясь ответить на вопрос о возможностях обеспечения собственного выживания в условиях новой социальной реальности.

Привычные линейные схемы «действие-результат» здесь не срабатывают. Результат действий может не только не соответствовать намерениям, но и, в конечном счете, привести к противоположному результату. Мы исходим из того, что главное специфическое свойство сознания – обладание качеством субъективности (ощущения, восприятия, чувства, мысли, намерения, желания, волевые усилия и т.д.). Эти явления могут протекать как последовательно, так и одновременно, организуемые и управляемые нашим «Я», которое, в свою очередь, тоже проникнуто их «содержанием». Не случайно, выступая некоторым дополнением к традиционным субъектно-объектным (дуалистическим) моделям, деятельность может

быть (по отношению к сознанию) сознательной или бессознательной, продуктивной или репродуктивной, содержательной или пустой, миролюбивой или агрессивной, революционной или консервативной и т.д.

Возникновение деятельности всегда связано с ситуацией, когда целенаправленно решается задача не просто повторения, а воспроизведения определенного фрагмента деятельности, а в лучшем случае, еще и ее технологизирования (т.е. определение средств деятельности, условий применения деятельности, доведение процессов повторения и воспроизведения деятельности до определенного типа автоматизма).

Субъективная реальность (в аналитической философии обозначаемая терминами «ментальное», «феноменальное», «интроспективное», «субъективный опыт») создает не только онтологические трудности при попытках включить реальность сознания в естественнонаучную картину мира, но и гносеологические трудности. К примеру, явления субъективной реальности описываются в категориях интенциональности, смысла, ценности, цели, воли, а мозговые процессы описываются в категориях массы, энергии, электрохимических процессов, пространственных отношений. Возникает проблема соотнесения в единой концептуальной конфигурации двух языков описания и объяснения, не имеющих между собой прямых логических связей. Для преодоления этих онтологических и гносеологических трудностей используется, как правило, редукционистская стратегия, представленная в физикалистском и функционалистском вариантах.

Выбор той или иной парадигмы деятельности зависит от того, какую систему абстракций мы готовы принять за основу, и как эти абстракции мы должны понимать. В сложившейся ситуации проблемное поле исследования и понимания процессов преобразования социального бытия определяется деятельностью механизмом, лежащим в основе преобразований социальных объектов. Вариативность и непредсказуемость преобразований в современных социокультурных практиках, происходящих на фоне глобального кризиса, показали, что взятая в абстракции деятельность содержит не только потенциал созидательности, но и одновременно деструктивности и разрушения.

Понятие «социокультурная практика» мы используем для обозначения взаимосвязи духовных и социальных факторов функционирования общества и перехода к новым качественным параметрам социокультурной системы. Это управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре, а, следовательно, активного включения самого человека в этот процесс. Понятие социокультурное в связке «социокультурная практика» обозначает взаимодействие духовной культуры (в ее когнитивном аспекте как средства познания действительности) со способами взаимодействия индивидов по поводу создания и распределения духовных и материальных благ.

На первый взгляд понятие «социокультурное» выглядит избыточно, так как образовано из двух корней, по сути обозначающих одно содержание. Поэтому имеет смысл говорить о социокультурном процессе, содержанием которого являются формирование артефактов, способов их передачи и обмена (предметами, знаками и способами управления взаимодействиями), а также деятельности индивидов посредством этих артефактов.

Деятельность фигурирует в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка и т.п. К однопорядковым с деятельностью понятиям можно отнести такие понятия как действие, деяние, действительное, деятельное, дело, сталкивающихся на всех уровнях общности.

Сегодня парадигма деятельности существует скорее как особая «территория» для междисциплинарных исследований, формирующая некоторую общую для социальных наук парадигму. При этом для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других, способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации, который может варьироваться в зависимости от взглядов отдельных авторов.

Процесс преобразования социального бытия связан с субъектом, осознающим и намеренно совершающим преобразующие действия, предполагающим и желающим получения запланированного результата по преобразованию объекта. Если исходить из того, что получение развитого уровня деятельнос-

ти как некоего уникального явления, связано непосредственно с развитием субъекта и его личностным ростом, то источником преобразовательной активности субъекта становится рефлексивная способность к реконструкции социального бытия (в значениях, понятиях, категориях, теориях).

Это есть одновременно самоорганизация содержания («схватывание-конституирование») в некие определенности, а также интеллектуальные конструкции («значения-смыслы»), как ответ на «вызовы» объекта. Со временем эти значения также могут стать неадекватны новым вызовам объекта. Тогда возникает ситуация выявления новых «значений-смыслов», инициирующая формирование потребностей субъекта к преобразованию социума. Вопрос о том, на основе каких деятельностных механизмов взаимодействуют деятельность и мышление в структуре социокультурных преобразований, деятельностная интерпретация указанных компонентов, их описание и объяснение в единой конфигурации – актуальная философская задача.

Применение деятельностного подхода к анализу социокультурной практики характеризуется тем, что главный акцент в мышлении делается на проектирование, программирование, управление и организацию (безотносительно к процессам коммуникации, действия и взаимосвязи между ними).

Возможен и другой ракурс рассмотрения проблемы, когда предполагается выстраивание коммуникативного взаимодействия, т.е. когда необходимо понять, как может происходить трансформация, если учитывать не только слой мышления, но и слой коммуникации. После исследований Ю. Хабермаса внимание к коммуникативным процессам, их сложным взаимосвязям с процессами мышления и действия значительно возросло. Интерес к исследованию процессов коммуникации возрос и внутри отечественной эпистемологии (М.А. Розов, И.П. Фарман, В.Н. Порус, И.Т. Касавин, Б.И. Липский, В.М. Розин). Большую роль сыграли концепции «социального куматоида» (М.А. Розов) и «открытой рациональности» (В.С. Швырев).

Развитие деятельностного подхода в философии сегодня обусловлено высоким уровнем развития социокультурных практик на

различных экспериментальных площадках и в инновационных социокультурных сетях. В контексте рефлексивного развертывания обозначенной методологии необходимо «погружение» мышления в онтологию деятельности, представив его в терминах деятельностных онтологем.

Мышление призвано обслуживать перенос опыта человека из одних ситуаций в другие, предвосхищая последствия собственных действий. В этом смысле мышление отвечает на вопрос о том, какой опыт (действие) можно перенести в новую жизненную ситуацию, как на основе опыта можно сформировать знание, в какой мере это знание, сформированное ранее, является уникальным, а в какой обобщенным.

В последнее время в социальной теории наметилось усиление когнитивно-конструктивистских идей, в отличие от прежних позиций, направленных на познание уже существующих. К примеру, в теории конфликта исследована проблема согласия, в теории модернизации – проблема последствий отказа от концепции догоняющей модернизации и переходу к признанию множественности модернизаций и др. [2; 3; 4; 5].

Мышление и деятельность могут быть рассмотрены и как мыследеятельностные, и как деятельностные процессы. Эти процессы различаются по своей внутренней организации. Мыследеятельность отличает спонтанность, единичность и неповторимость в каждой конкретной ситуации (в понимании Г.П. Щедровицкого мыследеятельность есть система, состоящая из процессов мышления, коммуникации и действия). Деятельностные исследования природы сознания, проделанных в России, затронули также и мыследеятельность (В.А. Лекторский, В.В. Давыдов, Н.Г. Алексеев, Ф.Т. Михайлов и др.).

Важность позиции мыследеятельностного подхода состоит в том, что он позволяет рассматривать социокультурную практику не только с точки зрения деятельностных, но также мыслительных и коммуникативных механизмов ее устройства, с учетом взаимного отображения указанных процессов.

Мыследеятельность дает возможность не только различить сами процессы (мышление, коммуникацию, действие, понимание и

рефлексию), но также организовать их изучение (в единстве и взаимном влиянии друг на друга). Фактически любой фрагмент социокультурной практики может быть рассмотрен как система мыследеятельности, как сложное взаимодействие указанных процессов. Они, в свою очередь, могут быть рассмотрены как в качестве автономных по отношению друг к другу, так и в качестве проникающих друг в друга.

В этой связи мышление может проникать в коммуникацию, а, соответственно, элементы коммуникации могут присутствовать в пространстве мышления. При этом внутреннее единство этих процессов определяется тем, что все они имеют деятельностную природу. Говоря о деятельностной природе мышления, коммуникации, действия необходимо понимать в какой мере, какой человек (или группа, коллектив), включенные в осуществление указанных процессов, могут ставить задачу воспроизведения нужного фрагмента мыследеятельности.

Понятие мыследеятельности требуется, как правило, при анализе сложных систем социокультурной практики, в ситуации протекания совершенно разных спонтанно осуществляемых процессов. К ним нужно отнести, в первую очередь, мышление, которое понятийно и категориально оформлено, и связано с построением и последующим использованием моделей и схем. С учетом указанных обстоятельств, мыследеятельность позволяет типологически охарактеризовать процесс трансформации сознания в контексте социокультурной практики как мыследеятельностный процесс.

Один из существенных вопросов, который касается мыследеятельности, является вопрос о том, возможно ли, зная ограничения современных когнитивных институтов, задать новые пути движения знаний и новые варианты и формы их существования?

Развитие эпистемических социокультурных практик невозможно без складывания и развития когнитивных институтов (ученое сообщество, исследовательские институты и лаборатории и т.д.). Учитывая то, что процесс мышления всякий раз уникален и неповторим, в мышлении при помощи различных моделей определяется существующее идеальное содержание, отличающееся от последующих

воспроизводимых действий, направленных на преобразование этих моделей.

Эту же тенденцию можно наблюдать и в анализе действия (как субъективированной деятельности). Так, действие, связанное с преобразованием конкретной, единичной ситуации, или поступок, это всегда спонтанное, уникальное, событие. Деятельностью действие становится только тогда, когда оно начинает целенаправленно воспроизводиться на основе определенных средств, которые его специально организуют.

Показательно, что со второй половине XX века динамика развития когнитивных институтов получила сущностно другое измерение. Связано это с появлением сетевых форм метаорганизации, анализ деятельности которых приводит к необходимости выяснения возможных причин, формирующих ситуации неопределенности в их деятельности, непредсказуемости результатов преобразовательного процесса.

Во-вторых, зависимость всего преобразовательного процесса от действий, принципов и нравственности лиц, осуществляющих руководство этим процессом (чем авторитарнее личность, возглавляющая преобразования, тем в большей степени будет проявляться представительско-обязывающий характер отношений с исполнителем, реализующим изменения на местах).

В-третьих, зависимость от наличия адекватной информации об объекте преобразования (различного рода заблуждения исследователей и погрешности в сборе информации, или полное отсутствие, формируют гносеологическую неопределенность в преобразовании, которая порождает собой высшую степень неуправляемости процессом).

В-четвертых, зависимость неопределенности преобразования от самого факта социального действия личности (когда принципиально невозможно предсказать или логически вывести поведение субъекта, а также поведение участников процесса преобразований).

Снятие неопределенности осуществляется, как правило, в процессе принятия решений. Поэтому анализ неопределенностей в процессах преобразования, позволяющий выделить некоторые группы причин, определяющих реверсию и пределы преобразования, становится весьма актуальным.

В первую очередь, это те причины, которые формируют понятие субъективного предела процесса преобразований. При наличии потребности членов общества в видоизменении общественных институтов или отношений, субъект попадает в ситуацию информационно-интеллектуальных ограничений (неадекватность знаний об объекте, отсутствие практических навыков и умений в реализации процесса преобразований, отсутствие умения формулировать цели преобразования, неспособность создавать команду для реализации преобразований).

К следующей группе причин можно отнести определение пределов процесса преобразования объекта, а также особенностей функционирования той сферы общества, в которой данный объект существует. Наконец, важнейшей группой причин является определение типов неопределенности в человеческой деятельности (гносеологическая неопределенность в описании объекта, стратегическая неопределенность во взаимодействии людей, информационная неопределенность во взаимодействии с объектом).

Нам представляется, что в целом философско-методологический анализ социокультурной практики можно представить как со-

вокупность организационных и самоорганизационных процессов деятельности, находящихся в постоянном динамическом взаимодействии, функционально усиливающих или ослабляющих ее (взаимодействующих на уровне субъект–полисубъектная среда), когда спецификой современной социокультурной ситуации становится присвоение новым коммуникационным технологиям функции конструирования реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровский, Д.И. Проблема сознания в философии и науке / Под ред. проф. Д. И. Дубровского. - М.: Канон+, 2009. - 472 с.
2. Дмитриев, А.В. Юг России: оценка конфликтности миграции / А.В. Дмитриев // Философские науки. - 2011. - № 4. - С. 58-71.
3. Сиземская, И.Н. Есть ли угроза охлократии для современного общества? / И.Н. Сиземская // Философские науки. - 2011. - № 5. - С. 8-22.
4. Федотова, В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации / В.Г. Федотова // Вопросы философии. - 2011. - № 9. - С. 45-53.
5. Федотова, В.Г., Колпаков, В.А., Федотова Н.Н. Меняющаяся социальность: будущее капитализма / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова // Вопросы философии. - 2011. - № 6. - С. 3-15.

ACTIVITIES AND THINKING IN THE PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIO-CULTURAL PRACTICES

K.P. Ivanov

A new level of activity approach in the philosophy of today is characterized by the development of social and cultural practices associated with the emergence of network forms of organization of activity. Philosophical and methodological analysis of this activity points to the uncertainty and unpredictability. The paper proposes a mechanism of interaction activity and thinking, which is formed during the conversion of public life. The interpretation of these components, their description and explanation becomes urgent philosophical task.

Key words: *activities, paradigm activity, consciousness, socio-cultural practices, mental activity.*